

DOI 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-55-71

УДК 94(47).063

Алексей Владимирович Морохин

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского;

Институт Российской истории РАН

Нижегород, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2000-3383

E-mail: alexmorohin@yandex.ru

Петр I и его наследие в годы царствования Анны Иоанновны

АННОТАЦИЯ. Рассматривается судьба наследия Петра Великого в годы царствования Анны Иоанновны. Особое почитание первого российского императора, складывающееся в последние годы его жизни и оформившееся в годы царствований Екатерины I и Петра II, было заметно скорректировано после вступления на престол Анны Иоанновны. Данное обстоятельство во многом следует связать с изменением семейных приоритетов правящей династии в указанные годы, что проявилось в конкретных действиях императрицы. В годы правления Анны Иоанновны сохраняется демонстрация внимания к заветам Петра I, проявившаяся в проведении ряда мемориальных мероприятий, посвященных его памяти, и принятии ряда законодательных актов, продолжавших инициативы первого императора в сфере как внутренней, так и внешней политики. При этом императрица своими действиями наглядно демонстрирует негативное отношение к членам второй семьи Петра I — цесаревне Елизавете Петровне и членам семьи цесаревны Анны Петровны, видя в них конкурентов в борьбе за власть. Одновременно с этим императрица проявляет особое почитание других членов правящей династии, включая своего отца царя Ивана Алексеевича, деда Алексея Михайловича и других родственников. В итоге делается вывод о том, что перипетии, связанные с наследованием престола после кончины Петра I, сложные и неоднозначные отношения внутри царской семьи, попытка закрепить наследование престола за линией царя Ивана Алексеевича, а также особенности правительственного курса в эпоху царствования его дочери нашли отражение в особенностях преломления культа первого российского императора в 1730-х годах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Петр Великий, наследие, Анна Иоанновна, культ, царская семья

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Морохин А. В. Петр I и его наследие в годы царствования Анны Иоанновны. *Кунсткамера*. 2022. 1(15): 55–71. doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-55-71

Alexey Morokhin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Nizhny Novgorod, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2000-3383
E-mail: alexmorohin@yandex.ru

Peter I and his Legacy during the Reign of Anna Ioannovna

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the fate of Peter the Great's legacy during the reign of Anna Ioannovna. The special veneration of the first Russian emperor, which took shape in the last years of his life and took shape during the reigns of Catherine I and Peter II, was noticeably adjusted after the accession of Anna Ioannovna to the throne. This circumstance should be largely associated with the change in the family priorities of the ruling dynasty in these years, which was manifested in the specific actions of the Empress. During the reign of Anna Ioannovna, there was a demonstration of attention to the precepts of Peter I, manifested in the holding of a number of memorial events dedicated to his memory, and the adoption of a number of legislative acts that continued the initiatives of the first emperor in the sphere of both domestic and foreign policy. At the same time, the Empress by her actions clearly demonstrates a negative attitude towards the members of the second family of Peter I — Tsarevna Elizabeth Petrovna and members of the family of Tsarevna Anna Petrovna, seeing them as competitors in the fight in the struggle for power. At the same time, the Empress demonstrates special reverence for other members of the ruling dynasty, including her father Tsar Ivan Alekseevich, grandfather Alexei Mikhailovich and other relatives. As a result, it is concluded that the vicissitudes associated with the succession to the throne after the death of Peter I, complex and ambiguous relations within the royal family, an attempt to consolidate the succession to the throne behind the line of Tsar Ivan Alekseevich, as well as the peculiarities of the government course during the reign of his daughter — all this was reflected in the peculiarities of the refraction of the cult of the first Russian emperor in the 1730s.

KEY WORDS: Peter the Great, Anna Ioannovna, cult, royal family

FOR CITATION: Morokhin A. Peter I and his Legacy during the Reign of Anna Ioannovna. *Kunstkamera*. 2022. 1(15): 55–71. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-55-71

Исследователи уже обращали внимание на определенное изменение отношения к наследию и памяти Петра Великого в годы царствования его племянницы Анны Иоанновны (1730–1740). Некоторые авторы отмечали, что эта эпоха отличалась «забвением могучих государственных начинаний Петра I», чье «имя и дела... отнюдь не были забыты, но упоминались глухо, несколько оппозиционно» (Байбурова 1993: 141; Петр I в русской литературе XVIII века 2006: 350). По наблюдению М. Б. Свердлова, в это время «Петр Великий и его наследие... не замалчивались в окружении Анны Ивановны, но и не возвеличивались» (Свердлов 2009: 34). Е. А. Погосян также считает, что императрица «не пыталась выстроить идеологию своего правления вокруг имени Петра, но в то же время она вовсе не стремилась Петра из нее исключить. Для Анны важно было подчеркнуть свою принадлежность династии в целом, а не найти одного — главного предшественника» (Погосян 2001: 364). Схожие мысли высказала и Е. М. Болтунова, отмечавшая, что в топографии императорского дворца и тронного зала Анна Иоанновна на символическом уровне также избегала «прямой акцентировки на какой-либо отдельной фигуре, в частности фигуре Петра I», которая для императрицы «не представлялась всеобъемлюще значимой. Напротив, император был лишь частью более широкой картины, связанной с акцентировкой московской традиции на новом уровне» (Болтунова 2006: 52–60). Так или иначе, историки, занимавшиеся изучением этого сюжета, правы в одном: при сохранении преемственности имперской доктрине Петра Великого отношение к памяти первого российского императора в годы царствования Анны Иоанновны явно контрастировало с его культом в царской семье, характерном для первого пятилетия, прошедшего со дня его кончины.

После смерти в январе 1725 г. Петра I наблюдается особое отношение к его памяти и наследию. Вдова скончавшегося Екатерина I (1684–1727), по словам историка и современника Г. Ф. Миллера, «ни в чем не отклонялась от замыслов своего августейшего супруга», а ее окружающие «были исполнены величайшего, какое только мыслимо, благоговения к почившему императору» (Миллер 2006: 493). На официальном уровне было заявлено, что вдова Петра I намеревается «дела, зачатые трудами императора, с помощью Божией завершить». В течение короткого царствования Екатерины I «практически всякая официальная декларация начиналась с упоминания Петра I, его незаконченных “дел” и замыслов» (Погосян 2001: 364). Свое отношение к памяти супруга императрица ярко продемонстрировала уже в годовщину его похорон в марте 1726 г. Тогда вся императорская фамилия, «а также все сенаторы, министры, генералы и офицеры» посетили Петропавловский собор. После завершения церковной службы Екатерина I, как отметил один из очевидцев, «вступила на катафалк к гробу и там, закрывшись, приблизив голову и целуя, плакала и едва не лишалась чувств от скорби», из-за чего герцог Голштинский и А. Д. Меншиков «едва уговорили ее дать увести себя с катафалка. Когда она сошла, поцеловать упомянутый гроб пошли их милости герцогини Голштинская и Мекленбургская, а также ее милость цесаревна. Эта церемония продолжалась до часу дня и долее» (Беспятых 1991: 201–202).

Кульм первого российского императора как образец для правящего монарха продолжал доминировать и при его внуке Петре II (1715–1730). 17 мая 1727 г. одним из первых актов юного государя Васильевский остров был переименован в Преображенский — это новшество носило явно символический характер и представляло собой попытку выстроить образ молодого монарха, активно используя уже существующий образец. Инициатором создания имиджа Петра II был А. Д. Меншиков, после же его падения такая установка не была отвергнута и новыми временщиками — Долгорукими. Внук Петра Великого не просто позиционировался как наследник великого деда, но и его новое воплощение (Болтунова 2014: 67–82).

Со вступлением же на престол в 1730 г. Анны Иоанновны наблюдается явная корректировка отношения к памяти царя-преобразователя. Данное обстоятельство, на наш взгляд, следует связать с непростыми отношениями в императорской фамилии, сложившимися к началу 1730-х годов.

Петр I, как известно, стал единодержавным государем после кончины своего старшего брата-соправителя Ивана Алексеевича в 1696 г. Статус главы царской семьи делал государя опекуном

его племянниц, лишившихся отца в раннем возрасте. Добавим также, что царь являлся еще и крестным отцом Анны Иоанновны (Дворцовые Разряды 1855: 758; ГИМ ОР. Син. 426. Л. 617). При жизни Петра I никаких трений между двумя линиями династии быть не могло. Голландец К. де Бруин, посетив Москву в начале XVIII столетия, отметил, например, что царевич Алексей Петрович часто посещает царицу Прасковью Федоровну и ее дочерей, своих кузин (Путешествие через Московию Корнилия де Бруина 1873: 58). Позднее сын Петра I, характеризуя свои отношения с вдовой Иоанна Алексеевича, отмечал, что «она ко мне добра гораздо, хотя и без большой конфиденции» (Устрялов 1859: 510–511).

После смерти сыновей царя, сначала Алексея в 1718 г. а затем и Петра в 1719 г., потомство двух монархов — и самого Петра I, и его брата Ивана — находилось примерно в равном положении: из мужского пола наследников, за исключением внука императора будущего Петра II, не было, зато оставались две дочери Петра I — Анна и Елизавета — и три царевны — дочери Ивана — Екатерина, Анна и Прасковья. Старшая дочь Петра I после своего рождения в 1708 г. получила то же самое родовое имя «Анна», как и ее кузина, дочь царя Ивана. Это совпадение показывает, что в антропонимике не прослеживается какого-либо противопоставления семейств братьев-государей друг другу. Напротив, имена в обеих семьях обнаруживают единство: одинаковые отчества царских невест (Прасковья Федоровна — Евдокия Федоровна), наречение старших детей по их бабке и деду (царевна Мария Ивановна в память царицы Марии Ильиничны и царевич Алексей Петрович в память царя Алексея Михайловича), соотносительность имен детей между собой (Екатерина Ивановна — Екатерина Петровна, Анна Ивановна — Анна Петровна) — все это демонстрирует осознание родового единства и желание подчеркнуть его именами детей (Пчелов 2009: 90). При этом формальное равноправие реальный статус вдовы и дочерей царя Ивана в семье был ниже, чем статус детей самого Петра I. Отношение к дочерям царя Ивана как второстепенным членам правящей династии отразилось и в придворном церемониале. Поздравляя императорскую фамилию в 1722 г. с наступившим Новым годом, прибывший в Россию герцог Голштинский Карл Фридрих «приблизился к государыне... поцеловал ей руку и поздравил ее с новым годом, за что ее величество благодарила в самых милостивых выражениях. После того его высочество подошел к старшей императорской принцессе (Анне Петровне. — *А. М.*) и также поцеловал ей руку, а затем к младшей (Елизавете Петровне. — *А. М.*). Хотя дочь вдовствующей царицы (Прасковьи Федоровны. — *А. М.*) стояла возле императрицы, выше обеих других принцесс, однако ж герцог обошел ее и прежде поцеловал руку им, а потом уже ей, для чего они все три, по обыкновению своему, сняли правые перчатки. Когда его высочество кончил целованье, все прочие, иностранные и здешние министры, равно и наши придворные кавалеры, кто только успел пробраться в тесноте, последовали его примеру» (Неистовый реформатор 2000: 280–281). В церемониале похорон вдовы царя Ивана Прасковьи Федоровны, умершей в 1723 г., как заметили современники, также имели место некоторые особенности, как, например, отсутствие пушечных выстрелов, русского флага, наличие старинной царской короны, которые демонстрировали обществу, «насколько некоронованная царица была ниже той, которая готовилась к помазанию, и насколько род Иоанна был отдален от престола» (Юность державы 2000: 414). При Екатерине I, судя по придворным календарям, сохранялась та же иерархия членов императорской фамилии. В этих изданиях в порядке старшинства указывалась сама императрица, ее дочери Анна и Елизавета, затем шли дети царевича Алексея и уже потом дочери царя Ивана Алексеевича (Погосян 2001: 324).

Формально и Петр I, и царица Екатерина Алексеевна, и их дочери Анна и Елизавета демонстрировали подчеркнуто благожелательное отношение к дочерям царя Ивана. В реальности же царь-реформатор смотрел на племянниц «исключительно как на орудия для своих политических конъюнктур», ставки в своих дипломатических планах (Корсаков 1880: 66, 73; Курукин 2014: 20, 28). Судя по сохранившимся источникам, Анна Иоанновна во всем подчинялась дяде, испытывая к нему почтительность, смешанную со страхом. Сохранилось немало подобострастных писем царевны к «батюшке-дядюшке», в которых она аккуратно поздравляла его, как и других членов

царской фамилии, с церковными и семейными праздниками в самых почтительных и вежливых выражениях. Анна Иоанновна не осмеливалась обременять просьбами царя, и даже поздравления не всегда адресовала лично ему, а использовала в качестве посредницы Екатерину Алексеевну. По наблюдениям историка Д. А. Корсакова, судя по сохранившимся с 1717 г. письмам царевны к грозному дядюшке, она лишь однажды в 1724 г. решилась обратиться к нему с просьбой о своих финансовых делах (Корсаков 1880: 73). Самые незначительные потребности ее быта в Курляндии удовлетворялись только Петром I, с утверждения которого в Митаву отправлялась даже водка «по особенной росписи». Без разрешения царя Анна Иоанновна даже не могла покидать Курляндию.

Современники оставили свидетельства о пренебрежительном отношении к дочерям царя Ивана при дворе. Княжна Прасковья Юсупова, арестованная в 1735 г., говорила, что при Петре I «государыню и других царевен царевнами не называли, а называли только Ивановнами» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 449. Л. 3). Это отсутствие должного внимания демонстрирует и тот факт, что царевен даже не пригласили на оглашение завещания Екатерины I 7 мая 1727 г. (Анисимов 1994: 139). С этим пренебрежением столкнулась и Анна Иоанновна. В 1725 г. она просила у Екатерины I разрешения приехать в Петербург на свадьбу своей кузины Анны Петровны с герцогом Карлом Фридрихом Голштинским. Однако на эту церемонию царевну так и не позвали. От имени государыни она получила письмо, датированное 1 мая 1725 г., в котором та «зело сожалела» о том, что «уже время опоздало и поспеть Вам скоро сюды немочно; однако ж мы надеемся, что Вы и заочно во оном веселии участие иметь будете» (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 18. Л. 24). Впрочем, было бы ошибочным считать Екатерину I главной недоброжелательницей курляндской герцогини и ее сестер. Скорее, наоборот. Императрица, по наблюдениям исследователей, была в царской семье «пожалуй, единственным человеком, который по-доброму, с сочувствием относился» к Анне Иоанновне (Анисимов 2002: 66). Именно у нее, «тетушки-матушки», царевна искала защиты в своих конфликтах с матерью. Свое отношение к Анне Иоанновне царица не изменила и после того, как вступила на престол. Вдова Петра I увеличила содержание родственнице, пожаловала ей орден святой Екатерины, свой алмазный портрет и портрет первого российского императора «с алмазами». Подарили царевне и двор на Васильевском острове «для приезде моево в Питербурх» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6047. Л. 38об.).

Анна Иоанновна получила от императрицы разрешение приехать в Петербург 14 сентября 1725 г., «по первому зимнему пути». Весь период пребывания в Петербурге в конце 1725 — начале 1726 г., по словам царевны, она «беспрестанно была у Ее Величества, также беспрестанно обедала и ужинавала у Ее Величества, истенно безмерна ко мне милостива». Свое отношение к кузине продемонстрировали и дочери Петра I, которые, по словам Анны Иоанновны, «ко мне очень милостивы и любовны, оне у меня а я у них беспрестанна были и гуляли вместе». Перед своим отъездом из Петербурга царевна, по собственным словам, «очень плакала как с Государынею матушкою тетушкою прощалась, также и со всеми сестрицами». Кузина курляндской герцогини Анна Петровна также «очень плакала как я прощалась с нею и проважала меня до Емской (слободы. — А. М.) и обедали вместе тут» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6047. Л. 51об., 39–39об.). Последний факт очень важен, так как демонстрирует особо близкие отношения двоюродных сестер. Подтверждается это и другими данными. В 1726 г. Анна Иоанновна, настрадавшись от произвола «полудержавного властелина» А. Д. Меншикова, желавшего стать курляндским герцогом, искала покровительства у старшей дочери Петра I и ее мужа, которые были «очень расположены» к кузине. Приехав в Петербург в конце лета 1726 г., царевна даже останавливалась в доме герцога Голштинского и его жены. Здесь же проводились и семейные совещания, в которых кроме Анны Иоанновны и Анны Петровны с мужем участвовали царевна Екатерина Иоанновна и Елизавета Петровна (Сб. РИО 1868: 450; Сб. РИО 1888: 395; Брикнер 1894: 142). Если верить донесениям саксонского дипломата И. Лефорта, в компании с Анной Иоанновной Анна Петровна даже изменяла мужу, проводя ночи «то у одного, то у другого» (Валишевский 1912: 25). Позже, в январе 1727 г., в письме к царевне Прасковье Иоанновне герцогиня дважды, 21 и 29 января, поздравляла

сестру с днем рождения — «дай Боже ее высочеству многа лет здравствовать», «от сердца желаю ее высочеству многа лет щаслива здравствовать» (ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 130. Л. 3, 5). После отъезда Анны Петровны с мужем в Германию курляндская герцогиня продолжила свою переписку с двоюродной сестрой и даже просила ее ходатайствовать перед Елизаветой Петровной, «чтобы вы ее не оставили в быдность ее в Москве». Больше того, Анна Петровна была настолько уверена в лояльности своей кузины, что просила родную сестру «ее с собой брать, когда станете ездить к царице (Евдокии Лопухиной. — *А. М.*), также изволите у нее спрашивать, как вам поступать, потому что она знает старой манер, жила с малых лет у тетушки» (Болотина 2011: 54, 52).

Схожим было и поведение Анны Иоанновны в отношении другой кузины — Елизаветы Петровны. В своих бесхитростных письмах к ней курляндская герцогиня просила «в памяти меня содержать и в письмах не оставить», причем тон ее писем свидетельствовал об определенном заискивании перед младшей двоюродной сестрой вплоть до начала 1730 г. Даже направляясь в Москву 6 февраля 1730 г., она сообщала: «что же изволите писать о дружбе моей к вам, я несомненно во оной пребыть хочю, а понеже не в долгое время надеюсь с помощью Божию пребыть в Москву и тогда могу не только устно Вас обнадежить, но и действительно показать, как я неотменно в дружбе моей к Вам» (Болотина 2011: 58–60). По сведениям саксонского дипломата И. Лефорта, вскоре после приезда в Москву императрицы, «когда в первый раз великая княжна (Елизавета Петровна. — *А. М.*) приехала ее поздравить, она обратилась к ней с следующими словами: “Сестра, мало осталось членов нашего семейства, мы многих потеряли, так будем же жить мирно, в полном согласии и я употреблю все старания не нарушать его”» (Сб. РИО 1870: 356).

В период с 1725 по 1730 г. Анна Иоанновна также наглядно демонстрировала и свое отношение к памяти «батюшки-дядюшки». Она не присутствовала на похоронах Петра I в марте 1725 г., но в письме к Елизавете Петровне отметила «тяжкую государственную печаль» и выразила свое горе по поводу кончины первого российского императора (Болотина 2011: 58). Прибыв в Петербург в начале 1726 г., Анна Иоанновна, как позднее писала А. И. Чернышевой, «четыре раза была на гробе у государя батюшки дядюшки, где многа слес я имела» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6047. Л. 39об.). Отношение к памяти Петра I она показала и позже, когда получила от А. И. Чернышевой в 1729 г. перстень с портретом первого российского императора, который и обещала «всегда... носить на моей руке, очень мне мил» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6047. Л. 47). Но трепетное отношение царевны к памяти дяди изменилось после того, как она стала российской императрицей.

Анна Иоанновна не могла не считаться с уже сложившимся в российском обществе и придворной культуре почитанием царя-преобразователя, которому новая государыня была вынуждена следовать. Неслучайно один из современников-иностранцев отметил, что императрица «ничем так не занята, как тем, чтобы следовать тем же правилам, что и ее дядя Петр I» (Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика 1997: 80). Другой дипломат, Г. Г. Вестфален, в депеше от 20/9 апреля 1730 г. зафиксировал, что Анна Иоанновна «изъявила желание содержать флот (корабельный и галерный) в таком порядке, до какого намеревался довести его Петр I» (Корсакова 1909. № 3: 547; Сб. РИО 1889: 177)¹. И. Г. Фоккеродт также отметил, что «императрица все же показывает вид, что охраняет все учреждения Петра I» (Неистовый реформатор 2000: 93). Посетивший Россию итальянский литератор Ф. Альгаротти назвал императрицу «наследницей как державы, так и доблестей царя Петра» (Альгеротти 2014: 108). Все это позволило некоторым исследователям утверждать, что Анна Иоанновна «в 1730-е годы активно создавала и продвигала в общественное сознание идею преемственности дел великого государя и своего крестного отца» (Агеева 2017: 107). Действительно, в ряде законодательных актов императрицы нередко встречаются упоминания Петра I, которыми она показывала, что действует в русле политики первого российского императора, который «неусыпные труды и попечение имел» и о «размножении училищ и школ»,

¹ Данный факт подтверждается и рядом распоряжений о содержании флота в годы царствования Анны Иоанновны. См.: (ПСЗРИ. 1830. Т. 8. № 5897: 570–571; № 5989: 653–656; № 6035: 767–768; Т. 9. № 6396: 123; № 6429: 156; № 6590: 353–354).

и «о добром и порядочном правлении как воинских, так и гражданских дел», армии, государственных учреждениях, о своих подданных (ПСЗРИ 1830. Т. 8: 394, 483, 519; Т. 9: 107, 576, 932–935). Такого рода ссылки имеются, например, в манифесте о восстановлении Сената от 4 марта 1730 г. — «Мы... для правления определили Сенат, на таком основании..., как при дяде нашем... Петре Великом... был». Или в указе Сенату об основании Сухопутного шляхетского корпуса от 27 июля 1731 г., где говорилось: «Хотя вечнодостоинья памяти дядя наш государь Петр Великий... все младое шляхетство в гвардию яко в школу... указом определил... и напоследок академию учредил... того ради указали мы учредить корпус кадетов» (ПСЗРИ 1830. Т. 8: 253, 271, 281, 284–285, 286; Т. 9: 128, 159, 160–161, 162, 182, 234, 281, 490–491, 531–532). Символичным выглядело и возвращение царского двора из Москвы в Петербург в 1732 г. — «преемственность имперской доктрине Петра Великого... требовала и упрочения петровской столицы» (Анисимов 2002: 216). Современные исследователи внутренней политики императрицы в качестве ее особенностей отмечают «стабилизацию и упрочение основ политико-административной и социально-экономической системы, созданной Петром I» (Петрухинцев 2014: 1005). Внешняя политика России в 1730-х годах также представляла собой «развитие и совершенствование петровских внешнеполитических принципов и доктрин, приложимых к новой исторической обстановке» (Анисимов 2002: 304). Верность делам царя-реформатора проявлялась и в целом ряде других мероприятий, как, например, в фонтанных композициях парков Петергофа, сооружавшихся в годы правления Анны Иоанновны (Лётин 2011: 42–46). Особое внимание императрица продемонстрировала и к детищу царя-реформатора — знаменитой Кунсткамере. Уже вскоре после своего переезда в Петербург 6 марта 1732 г. Анна Иоанновна посетила это заведение, осматривала хранившиеся здесь раритеты и, в частности, знаменитую анатомическую коллекцию доктора Ф. Рюйша (Миллер 2006: 643). В Кунсткамере четыре «каморы» были посвящены царю-реформатору и получили название «Кабинет Петра». В этом мемориале не только хранились личные вещи императора, но и была передана в 1732 г. знаменитая восковая персونا Петра I работы К. Б. Растрелли, «которая сформирована с натуральной Его Величества Особы». В 1735 г. по устному распоряжению императрицы в Кунсткамеру поступили токарные и слесарные машины и инструменты Петра I (Летопись Кунсткамеры 2014: 89, 105).

Демонстрацией внимания к заветам Петра I и созданием его мемориала в Кунсткамере дело не ограничивалось. Именно при Анне Иоанновне было закончено строительство Петропавловского собора, и 29 мая 1731 г., в день 59-летия со дня рождения первого российского императора, состоялось захоронение останков Петра I и Екатерины I. Как свидетельствовал Н. И. Кашин, «по отпетии панафиды с пушечною стрельбою гробы императорские Петра Великого и государыни императрицы, супруги его, опущены в землю в Петропавловском соборе у правого крылоса в вечную память» (Кашин 1895: 22). Англичанин Ф. Дэшвуд, посетивший Петербург в 1733 г., отметил, что находящиеся в соборе гробницы Петра I и Екатерины I были покрыты «золотой тканью с золотой бахромой». Сохранилось указание и на тот факт, что у гробницы Петра I «денно и ночью стоит караул» (Беспятых 1997: 57, 417). В 1732 г., на который пришелся 60-летний юбилей первого российского императора, было проведено несколько торжественных мероприятий (Погосян 2001: 368–369).

Впрочем, у современников были и другие мнения по поводу реального отношения Анны Иоанновны к памяти Петра Великого. Посетившая Россию в годы царствования Елизаветы Петровны принцесса Ангальт-Цербстская Иоганна Елизавета, мать будущей Екатерины II, писала, что Анна Иоанновна «до того ненавидела память Петра Великого и императрицы Екатерины, что уничтожала их добрые дела и поставила себе задачей погубить часть созданных ими прекрасных учреждений» (Княгиня Ангальт-Сербская 1904: 467). Эти слова, звучавшие при дворе дочери Петра I, во многом отражали негативное отношение Анны Иоанновны ко второй семье царя-преобразователя.

В первые месяцы царствования Анны Иоанновны изменилась иерархия членов императорской фамилии. Уже 11 марта 1730 г. последовало распоряжение «в священнослужениях возносить вна-

чале имя Ея Императорскаго Величества и Благоверных Государыни Царицы Евдокии Феодоровны, а потом Благоверных Государынь Царевен и Цесаревну для того, что и напредь сего Фамилию Императорскую вспоминали прежде тех, кто по крови ближе были» (Описание документов и дел... 1901: 183–184). Появление в этой структуре на втором месте фигуры бывшей жены Петра I царицы Евдокии Лопухиной выглядит отнюдь не случайным: она по возрасту являлась самым старшим членом семьи. Кроме того, Евдокия явно пользовалась симпатиями у дочерей царя Ивана Алексеевича. Царевна Прасковья Иоанновна, например, сразу же после переезда двора в Москву в конце 1727 г. первым делом навестила бывшую опальную царицу (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 734. Л. 134об.). Родственную приязнь Лопухиной продемонстрировала, став императрицей, и Анна Иоанновна. Как свидетельствовала Д. Рондо, она «оказывает ей большое уважение и часто сама навещает ее» (Безвременье и временщики 1991: 203). На последнем месте в новой иерархии членов императорской фамилии оказалась кузина императрицы Елизавета Петровна, что также является продуманным шагом Анны Иоанновны. Английский дипломат К. Рондо в начале 1730 г. отметил: «Русский двор как бы не признает детей Петра Великого от Императрицы Екатерины Алексеевны, что глубоко оскорбляет друзей герцога голштинского» (Сб. РИО 1889: 162). Дело заключалось в том, что Анна Петровна и Елизавета Петровна родились до официального заключения второго брака царя-преобразователя, были «привенчанными» и, по сути, являлись бастардами. Как отмечал датский посол Г. Г. Вестфален, эта незаконнорожденность «по основным законам этой страны и по канонам греческой церкви остается неизгладимым пятном, несчастьем, которому не в состоянии помочь самое торжественное узаконение» (Корсакова 1909. № 2: 289). Вполне возможно, что на недоброжелательное поведение по отношению к потомству Петра I от его второго брака Анну Иоанновну могли настроить и сами верховники. Все тот же Г. Г. Вестфален, передавая в Копенгаген информацию о выборах членами Верховного Тайного совета новой государыни, передавал речь князя Д. М. Голицына, который, рекомендуя кандидатуру Анны Иоанновны, отметил, что «она родилась среди нас, мать ее русская, старинного и хорошего рода» (Корсакова 1909. № 1: 207). Не добавляла симпатий к Елизавете Петровне со стороны членов Верховного Тайного Совета и бурная личная жизнь цесаревны.

Негативное отношение Анны Иоанновны к потомству Петра I от его второго брака в полной мере проявилось в ее действиях в отношении Елизаветы Петровны, которая все царствование своей двоюродной сестры провела под строгим контролем. По некоторым данным, Анна Иоанновна за период с 1730 по 1740 г. лишь один раз в день рождения цесаревны в декабре 1732 г. посетила кухню «на короткое время в ея доме» (Петров 1884: 278). Один из иностранцев-современников, наблюдавший царский двор в 1730-е годы, отметил, что с Елизаветой Петровной «совсем не считаются при дворе из-за низкого происхождения, воспитания и тому подобного ее матери» (Беспярых 1997: 68). Императрица установила ей годовое содержание в 30 тысяч рублей, тогда как при Екатерине I и Петре II она получала по 100 тысяч в год. Цесаревна не имела права являться к императрице без предварительной просьбы или специального приглашения. Ей было запрещено устраивать у себя ассамблеи, Елизавета Петровна находилась под секретным надзором (Наумов 1993: 54). Позднее, уже после прихода к власти Елизаветы Петровны, ее лейб-медик Лесток рассказывал саксонскому дипломату Пецольду, что, будучи цесаревной, «во время царствований Императрицы Анны и Великой Княгини (Анны Леопольдовны. — А. М.) она боялась быть отравленной» (Сб. РИО. 1871: 414–415). Причина такого отношения Анны Иоанновны к кузине заключалась и в том, что императрица видела в дочери Петра I потенциального претендента на российский престол. Сама Анна Иоанновна считала своей наследницей племянницу — дочь своей сестры Екатерины Анну Леопольдовну, которой она, по наблюдениям современников, «несомненно, хочет передать корону» (Мезин 2019: 355). Арестованный по вступлении Елизаветы Петровны на престол в 1741 г. один из ближайших советников Анны Иоанновны А. И. Остерман, признался в ходе следствия, что в узком кругу приближенных императрицы обсуждался вопрос об устранении от престола «петровской» линии, и прежде всего Елизаветы Петровны, которую

планировали выдать замуж «за отдаленного чужестранного принца» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 304. Л. 13об.). Рассматривала императрица и возможность заключения кузины в монастырь, «чтобы отнять у нее надежду вступить когда-либо на русский престол и утвердить корону во главе избранного ею преемника», и лишь заступничество всесильного Э. И. Бирона спасло цесаревну от насильственного пострижения (Манштейн 1998: 52). Неслучайно Кирилл Флоринский в своей проповеди 18 декабря 1742 г. прямо заявлял, что Елизавету Петровну в предшествующее царствование можно было видеть «от всезлых людей в монастырь понуждаемую, приставленными неусыпными шпионами надзираемую, что пьет, что делает, куда ездит, с кем беседует» (Флоринский 1742: 3–4). Все это заставляло цесаревну все годы царствования Анны Иоанновны вести себя верноподданически и не давать повод к серьезным подозрениям. Неслучайно свои прошения к кузине-императрице она подписывала словами «послушная раба Елисавет» (Архив князя Воронцова 1870: 5). Зная отношение своей царственной двоюродной сестры, цесаревна вела себя очень осторожно. Когда ее родственник ранее сосланный А. Л. Нарышкин просил у Елизаветы Петровны похлопотать за муншенка Ефима Бахтеева, отправленного солдатом в Енисейский полк, цесаревна «о нем Ефиме» просила у сестры императрицы царевны Екатерины Иоанновны, та, в свою очередь, «докладывала Ея Императорскому Величеству», которая выполнила просьбу и даже определила Е. Бахтеева ко двору цесаревны (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 525. Л. 4). Неудивительно, что наблюдавшие это отношение к цесаревне иностранные дипломаты прямо отмечали в своих донесениях, что в годы царствования Анны Иоанновны младшая дочь Петра Великого «была как бы в загоне» (Сб. РИО 1893: 338). Это отношение императрицы к своей кузине не ускользнуло и от внимания простого люда. В народе бытовали разговоры о том, что младшая дочь Петра I «имеет ссору с Ея Императорским Величеством за иноземцов, что Ея Императорское Величество жалуется иноземцов золотыми, а Ея Высочество медными манетами, и ныне де получа Ея Высочество жалование де тое медную манету будто приказала высыпать в Неву реку, и будто ж Ея Высочество говорить изволила, что де есть де у нее еще отцовское и жить ей есть чем» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 675. Л. 5). В последние месяцы жизни императрицы иностранные наблюдатели отмечали: «Может удивлять ее (Анны Иоанновны. — А. М.) слепая ненависть к потомству Петра I, заглушившая даже требования, которые могли и должны были внушаться ей его славой» (Сб. РИО 1894: 6–7). По свидетельству Бирона, даже в дни предсмертной болезни в октябре 1740 г. Анна Иоанновна не изменила отношения к кузине: «Государыне же цесаревне Елизавете Петровне, помнится ему, по докладу дважды было отказано... да когда ж к ея императорскому величеству и допускалась, то больше как на несколько минут при себе держать не изволила» (Исторические бумаги... 1872: 166). Позднее, уже став императрицей, Елизавета Петровна, судя по запискам Екатерины II, часто вспоминала времена Анны Иоанновны как один из самых тяжелых периодов своей жизни (Екатерина II 1990: 284, 318, 455).

Не лучшим образом вела себя Анна Иоанновна и по отношению к сыну герцогини Голштинской Анны, другой дочери Петра I, которого императрица иначе как «чертушка» и не называла (Екатерина. Путь к власти 2003: 14). В основе этого негативного отношения Анны Иоанновны также лежало восприятие внука Петра Великого как конкурента в борьбе за власть. Уже 15 февраля 1731 г. английский дипломат К. Рондо сообщал, что царица «показала, как мало интересуется им (герцогом Голштинским. — А. М.) и его сыном, повелев немедленно захватить и отправить обратно в С.-Петербург все календари, изданные Российской Академией на текущий год, потому что герцог Голштинский и сын его были — как и в минувшее царствование — упомянуты в числе членов императорской фамилии. Теперь печатаются новые календари, в которых исключены будут герцог с сыном» (Сб. РИО 1889: 291). Это был важный политический жест новой государыни — внук Петра Великого и единственный мальчик среди других представителей династии был исключен из круга возможных наследников престола. В апреле того же 1731 г. был арестован и вице-президент Коммерц-коллегии Г. Фик со своим зятем и бывшим служителем Анны Петровны офицером Сеглемом. Фика обвиняли в том, что он вел переписку с Карлом Фридрихом

о «принятии мер к наследованию герцогом престола» (Сб. РИО 18926: 177–178). Позже, в 1733 г., императрица отказалась выплачивать герцогу и денежные субсидии, мотивируя свои действия тем, что «он (Карл Фридрих. — *А. М.*) и так выманил отсюда слишком много денег» (Сб. РИО 1889: 545). Фаворит Анны Иоанновны Э. И. Бирон позднее вспоминал, что герцог даже писал императрице «собственную рукою Русское письмо... а в оном... весьма преклонительно Ея просил, чтобы приказала ему 100 т. рублей дать, ибо находится он в великом недостатке». На просьбу Анна Иоанновна отреагировала оригинально, собственноручно бросив в камин это послание (Щебальский 1862: 52). Впрочем, после кончины Карла Фридриха 7 июня 1739 г. при российском дворе был объявлен двухмесячный траур (Сб. РИО 1892а: 531). При этом присланный в Петербург с этим известием обер-егермейстер фон Бредаль был «дурно принят» (Екатерина. Путь к власти 2003: 15). С именем Анны Иоанновны Я. Штелин связывал и преследования герцога после смерти его жены. Он отметил, что в 1736 г. «по наущению» императрицы в Киль прибыла комиссия от главы Священной Римской империи во главе с графом Вратиславом, чтобы «побудить герцога к отречению от отнятого у него владения», но ее действия не имели успеха (Екатерина. Путь к власти 2003: 12).

Показательно и отношение Анны Иоанновны к памяти кузины Анны Петровны, скончавшейся в Киле в мае 1728 г. После кончины тело герцогини было перевезено в Петербург и захоронено в Петропавловском соборе. Однако императрица проигнорировала необходимость обустройства гробницы своей двоюродной сестры. Сохранились сведения о том, что на протяжении 1730-х годов на месте захоронения Анны Петровны в соборе «гробницы не поставлено». Лишь при императрице Елизавете Петровне 9 декабря 1742 г. последовало распоряжение соорудить над захоронением ее сестры в Петропавловском соборе «гробницу, как в той Соборной церкви и прочее над гробами... Их Императорских Величеств Петра Великого, Екатерины Алексеевны, Анны Иоанновны», на сооружение которой было выделено 200 рублей (РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 632. Л. 479–480).

Весьма своеобразным было и отношение Анны Иоанновны к другим захоронениям детей Петра I в Петропавловском соборе. Так, в годы ее царствования оказалась утерянной и гробница «непотребного сына» Петра I царевича Алексея. Известно, что после кончины царевич был похоронен в строящемся соборе «близ гроба и тела супруги его» (Вебер 2011: 163–164; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 3). Гробница Алексея Петровича в соборе находилось «под церковным помостом у западных дверей, под колокольнею, на левой стороне, под лестницею, по которой ходят на хоры» (Богданов 1997: 290). Императрица 8 января 1732 г. распорядилась «все имеющиеся в соборной здешней Петропавловской церкви гробы, яко царевича, царевны и протчие фамилии их величества, из той церкви вынести и поставить в удобное место, а каким впредь тут гробам быть, о том будет особый указ». Исполнителем воли императрицы был определен архитектор Д. Трезини, который на свой страх и риск приказал вынести из собора только надгробия, не затрагивая сами захоронения. В итоге уже в 1736 г. автор первого описания Петропавловского собора не знал точного места захоронения детей Петра I, включая и его старшего сына с женой (РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 103. Л. 103; Голобоков 1986: 187). В документах сохранилось важное упоминание, в котором говорится, что «над могилами царевича, супруги Его и прочих детей императора Петра нет ни особых гробниц, ни надписей, а известны они только по реестру, хранящемуся в Петропавловском соборе» (РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 181. Л. 2об.). Историк М. П. Погодин в сентябре 1831 г. посетил усыпальницу Романовых, где молился над гробом Петра Великого «с чувством о прощении грехов его» и безрезультатно пытался найти гробницу царевича в Петропавловском соборе: «Знают только, что под колокольнею с левой стороны» (Барсуков 1890: 341). Американскому путешественнику Дж. Л. Стефансу в 1835 г. показали в соборе некий саркофаг «без надгробного памятника и надписи», в котором якобы и был погребен Алексей Петрович (Стефанс 2018: 151). Видимо, реальные гробницы детей Петра I, включая и его «непотребного сына», были обнаружены позднее. По крайней мере известно, что

надгробия над захоронениями царевича и некоторых других членов семьи Петра I были установлены только в 1909 г. Это позволило известному историку П. И. Бартеневу в 1912 г. утверждать, что «лишь очень недавно в колокольне Петропавловской крепости найден гроб царевича Алексея Петровича» (Высоцкий 1912: 299, примеч. Бартенева).

Память о Петре I была «уравновешена» и дополнена вниманием со стороны Анны Иоанновны к другим членам царской семьи. О симпатиях Анны Иоанновны к «допетровскому» периоду истории династии говорят и домашние записи императрицы, в которых отмечено «в придворной церкви петь» родителей, сестер Екатерину и Прасковью, «императора Петра Алексеевича Первого», царей Федора Ивановича, Алексея Михайловича, Михаила Федоровича, царицу Марию Ильиничну, царевну Маргариту Алексеевну, Софью Алексеевну, Татьяну Михайловну, Анфису Михайловну (РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37. Л. 2).

Среди семейных приоритетов Анны Иоанновны выделялось особое отношение и к памяти отца царя Ивана Алексеевича. Здесь императрица руководствовалась не только личными симпатиями, но и семейными традициями. Известно, что в семье Ивана Алексеевича к нему относились с особым уважением. В 1718 г. по указанию Петра I было переведено на русский язык сочинение С. Пуффендорфа «Введение в историю европейскую», где отмечалось, что царь Иван Алексеевич «неудобства ради телеснаго и умнаго к царствованию неугоден был», «ради немощи о делах царственных не имел попечения» и поэтому «брату Петру всего царства правление своею уступил волею» (Пуффендорф 1718: 406, 407). Реакция вдовы Ивана Алексеевича оказалась незамедлительной: она выразила недовольство Петру I тем обстоятельством, что в книге «обретаются хулы» на ее покойного мужа (Чистович 1868: 329). В мае 1722 г., собираясь в поездку в Москву, царица Прасковья Федоровна писала дочери Екатерине: «А еду в Москву повидатца с Вашим батюшкой у Архангела (Архангельском соборе, месте погребения Ивана Алексеевича. — А. М.)» (Письма русских государей 1861: 23). Г. Ф. Бассевич отметил, что «несмотря на слабоумие своего супруга, она (Прасковья Федоровна. — А. М.) питала к его памяти постоянную нежность и просила покрыть себе лицо его портретом, когда будет в гробу, что и было исполнено» (Юность державы 2000: 414). Традиции почитания Ивана Алексеевича сохраняли и его дочери. Из приходно-расходных книг царевны Прасковьи явствует, что она не только давала деньги «на память батюшкочку», но и занималась поисками вещей отца. 25 августа 1727 г. царевна отметила в приходно-расходной книге необходимость отправить письмо в Москву «о кресте и о лампаде и о батюшкином столе» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 734. Л. 161).

Вступив на престол, Анна Иоанновна получила гораздо больше возможностей для демонстрации знаков особого внимания к памяти царя Ивана Алексеевича. Уже 29 января 1730 г. в Москве была отслужена пышная панихида по отцу государыни, проведенная крутицким архиереем Леонидом, в которой приняли участие 59 церковных служителей (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35176. Л. 2, 5). С этого времени церковные службы и панихиды по покойному царю в Архангельском соборе становятся регулярными (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35245. Л. 1об.). Перед своей коронацией Анна Иоанновна распорядилась приготовить ей «державу и скипетр отца ея», т. е. регалии, которыми венчался на царство Иван Алексеевич (Быкова 2015: 134). Жест был весьма символическим. Почитание старшего брата Петра I выразилось и в том, что императрица весной 1730 г. распорядилась обновить покров на гробнице отца в Архангельском соборе, на который было потрачено более 700 рублей (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35055. Л. 1–2). Проявила Анна Иоанновна и внимание к служащим двора старшего брата Петра I. В июне 1730 г. она распорядилась служивших при ее отце певчих дьяков Лукьяна Новоселецкого и Степана Ярошевича, не получавших с 1722 г. жалования, отправить в Синод для «определения к пропитанию» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 777. Л. 9–10). Кроме того, видимо, памятуя об отзыве об отце, данном в книге С. Пуффендорфа, уже в июне 1731 г. императрица сначала затребовала к себе это переведенное сочинение, а затем отдала распоряжение Синоду «для надлежащего... исправления» собрать все экземпляры тиража книги 1718 г. «и по исправлении паки, от кого присланы, с тем же для отдачи и возвратить», что

и было осуществлено в 1743 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 777. Д. 29. Л. 421–422; Описание документов и дел... 1903: 298–300, 337–338).

Анна Иоанновна всячески подчеркивала и значимость потомства своего отца. В придворном календаре на протяжении 1730-х годов был значительно расширен круг праздников, посвященных Иоанну Предтече. Надо полагать, произошло это в знак памяти о старшем брате и соправителе Петра I, имя которого в календарях выделялось курсивом или кинovarью, что должно было особо подчеркивать его значение. Имя царя Ивана Алексеевича наряду с Петром I упоминается и в оформлении праздничных фейерверков (Погосян 2001: 343, 364). Символичным выглядела и закладка 20 июня 1731 г. в Петропавловской крепости Иоанновского рavelина «во имя... Ея Императорского Величества отца» (Богданов 1997: 131). В марте 1736 г. ученик «гридоровальнаго дела» Иван Соколов даже изготовил портрет Ивана Алексеевича, переданный в Кунсткамеру (Материалы для истории... 1886: 42, 135). С этого времени изображения отца Анны Иоанновны начинают появляться и в домах знати (Тихонов 2008: 191, 220).

Проявляла Анна Иоанновна и внимание к деяниям своего деда царя Алексея Михайловича. В начале 1730-х годов в память о нем императрица решила отлить колокол в 9 тысяч пудов (Анисимов 2002: 219–220). В 1737 г. Анна Иоанновна отдает распоряжение об издании «Соборного уложения» 1649 г. Примечательно, что при публикации дата была оставлена старая, т. е. до календарной реформы — 7156 год, а сам Алексей Михайлович был назван здесь не царем, а «императорским величеством» — готовивший издание В. Е. Адодуров руководствовался специальными инструкциями свыше. К изданию был приложен портрет самого царя. Первоначально предполагалось снабдить книгу пространным «житием» царя, в котором, по сути, предполагалось осветить и историю династии начиная с эпохи Ивана Грозного (ПСЗРИ 1830. Т. 9: 862–863; Материалы для истории... 1886: 89–90, 416).

Интерес к истории семьи проявился у императрицы и в намерении собрать у себя во дворце портретную галерею родственников. Судя по сохранившимся документам, эта идея возникла у государыни летом 1732 г. 7 июля 1732 г. она отдала через А. И. Ушакова приказ забрать у служителя двора П. Бема имеющийся у того «патрет» Петра Великого «и выломав ис того патрета алмазы отдать ему Бему, а оной патрет прислать к Ея Императорскому Величеству немедленно», что и было исполнено (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35388. Л. 13, 14). Через несколько дней, 13 июля 1732 г., Анна Иоанновна писала С. А. Салтыкову: «Сказывал мне Иван Михайлович Головин, что есть персона дедушка царя Алексея Михайловича у сатаны, то есть Ивана Бутурлина сайги, и вы возьмите ее и пришли к нам немедленно... конечно тот патрет возьми». Через несколько дней, 20 июля 1732 г., портрет был отправлен в Петербург. В сентябре того же 1732 года императрица вновь побеспокоила своего родственника в Москве: «Слышала я ныне, что у царевны Софьи Алексеевны в Кремле и в Девичье монастыре были персоны моего батюшки также и матушки моей поясняя, а работы Вениусовой, а матушкин патрет в каруне написан, и вы изволь спросить у князь Василья Одоевского, нет ли где в мастерской, чтоб хорошенько переискал, также в Девичье монастыре у стариц спросить, не помнят ли оной персоны, взяли после царевны, или в Москве у кого спросить, пожалуй постарайся о сем, мне хочется матушкин патрет достать». Розыски портретов родителей императрицы были безуспешными, и Анне Иоанновне сообщили, что «оных персон нигде во дворцах не сыскано» (Книга записная... 1878: 39, 46). В 1736 г. императрица распорядилась найти «поясной в золотых рамах» портрет сестры Прасковьи Иоанновны. Занимавшийся поисками все тот же С. А. Салтыков портрет не нашел, но обнаружил другую находку, могущую заинтересовать императрицу, — «портрет поясной» другой сестры Анны — царевны Екатерины Иоанновны, который и отправил в Петербург. Занималась императрица через того же С. А. Салтыкова и поисками портрета сестры отца царевны Алексеевны, который ее мать царица Прасковья Федоровна подарила некоей Дарье Протопоповой. Выяснилось, что этот портрет «в доме матери ея в Нижнем Новгороде волею Божию сторел» (Новые подлинные черты... 1873: 1655, 1659). Интересовали Анну Иоанновну изображения и других родствен-

ников — «племянницы моей (видимо, Анны Леопольдовны. — А. М.) принцессы стоящей, маленькая написана», царя Федора Алексеевича, портрет царевны Софьи Алексеевны «круглой в дереве, около ея мудрости написанной». В апреле 1732 г. она распорядилась прислать в Петербург из Москвы «вошаную (восковую. — А. М.) персону» своей матери царицы Прасковьи, для перевозки которой было приказано сделать специальный «ящик стеклянный» (Книга записная... 1878: 175; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35362. Л. 2).

Императрица проявляла интерес и к эпистолярному наследию членов царской семьи. В разгар следствия по делу кабинет-секретаря А. В. Макарова в 1732 г. разбирались документы, среди которых была обнаружена и переписка Анны Иоанновны с матерью, которую императрица требовала к себе и просила московского губернатора С. А. Салтыкова: «Только посмотри тут же еще, нет ли писем всех царевен и царевичей, и ежели есть, то также пришли к нам» (Книга записная... 1878: 152–153). Из кабинета Петра I по приказу императрицы были изъяты все ее письма к дяде-императору и часть переписки членов династии Романовых за 1700–1726 гг. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35977. Л. 8об.).

Таким образом, отношение к наследию Петра Великого в годы царствования его племянницы Анны Иоанновны было в определенной степени скорректировано в связи со сложными и неоднозначными отношениями внутри царской семьи и развернувшейся борьбой за власть. Одновременно с этим правительство императрицы в связи с политической необходимостью продолжало претворять в жизнь многие инициативы царя-реформатора и следовало его заветам в сфере государственной идеологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив СПбИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
ГИМ ОР — Государственный исторический музей, отдел рукописей
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание I
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА — Российский государственный исторический архив

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 734. Копии с приходо-расходных книг царевны Прасковьи Иоанновны с присоединением памятной записки И. И. Дмитриева-Мамонова (1725–1727 гг.).
ГИМ ОР. Син. 426. Записная книга патриаршего служения и выходов за 1684–1687 гг.
ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 130. Письма герцогини Курляндской Анны Иоанновны царевне Прасковье Иоанновне. 14 января — 27 февраля 1727 г.
РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37. Записки домашние императрицы Анны Иоанновны. 1725 г.
РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 304. Допросы и ответы графа Андрея Остермана. 1741–1742 гг.
РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 449. О княжне Прасковье Юсуповой. 1735 г.
РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 525. О раскольниках В. Бухаеве и М. Босом. 1736 г.
РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 675. О солдатах Г. Константинове и О. Белоношкине. 1739 г.
РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 18. Д. 58. Письмо Екатерины I царевне и герцогине Курляндской Анне Иоанновне — отклонение ее желанья приехать на свадьбу цесаревны Анны Петровны. 1 мая 1725 г.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 632. Д. 55. Дело об отпуске из Штатс-Конторы денег на установление надгробного памятника цесаревне Анне Петровне в Петропавловском соборе г. Петербурга. 1742 г.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 777. Д. 3. Дело об отсылке в Синод для определения в монастырь дворцовых крестовых певчих дьяков покойного царя Иоанна Алексеевича Лукьяна Новоселецкого и Степана Ярошевича, не имеющих средств существования. 1730 г.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 777. Д. 29. Дело об отправке в Синод для внесения исправления книг Самуила Пуфендорфа, изданных в Петербурге на русском языке в 1718 г. 1731 г.

- РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35055. О выдаче А. Строганову 702 рубля 65 копеек на покров гробницы царя Ивана Алексеевича. 1730 г.
- РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35176. О выдаче 20 рублей из Дворцовой канцелярии духовным чинам за поминование царя Ивана Алексеевича. 1731 г.
- РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35245. Об уплате денег духовенству за панихиды по царю Ивану Алексеевичу. 1731 г.
- РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 35362. О посылке из Камер-Цалмейстерской из Москвы в Санкт-Петербург воощаной персоны покойной царицы Прасковьи Федоровны. 1732 г.
- РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35388. Об отобрании у гардеробмейстера П. А. Бема портрета Петра Великого и о доставлении его к императрице. 1732 г.
- РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35977. О взносе к императрице кабинетных дел Петра Великого и Екатерины I. 1742 г.
- РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6047. Письма императрицы Анны Иоанновны и герцогини Мекленбургской Екатерины Иоанновны Григорию Петровичу и Авдотье Ивановне Чернышевым. 1727–1733 гг.
- РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. № 103. Протоколы Канцелярии строений домов и садов. 1732 г.
- РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 181. Выписка о погребении царевича Алексея Петровича. 1718 г.
- Агеева О. Г.* Миф о монархе-преемнике Петра Великого при Екатерине II // *Petro primo Catharina secunda*. Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы. Материалы VIII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года. СПб.: Европейский Дом, 2017. С. 106–115.
- Альгеротти Ф.* Путешествие в Россию. СПб.: Наука, 2014.
- Анисимов Е. В.* Россия без Петра. СПб.: Лениздат, 1994.
- Анисимов Е. В.* Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2002.
- Архив князя Воронцова. Кн. 1. М.: тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1870.
- Байбурова Р. М.* Десятилетие Анны Иоанновны в культурной жизни России // *Человек*. 1993. № 6. С. 132–144.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 3. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1890.
- Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов». Л.: Художественная литература, 1991.
- Беснятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991.
- Беснятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб.: Блиц, 1997.
- Богданов А. И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 1997.
- Болотина Н. Ю.* Эпистолярное наследие женщин царской семьи (первая треть XVIII века) // *Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.* Вып. 20. М.: Российский фонд культуры, 2011. С. 11–69.
- Болтунова Е. М.* Петр Великий в топографии града Петрова: идея преемственности власти в символике императорских мест Санкт-Петербурга XVIII в. // *Труды Государственного Эрмитажа. Петровское время в лицах* — 2006. Вып. 32. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 52–60.
- Болтунова Е. М.* «Читать... главнейшие случаи прежних времен»: история и идея преемственности в воспитании наследников престола в России XVIII в. (по материалам РГАДА) // *Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского*. М.: Древлехранилище, 2014. С. 67–82.
- Брикнер А. Г.* Императрица Екатерина. 1725–1727 гг. По документам венского архива // *Вестник Европы*. 1894. № 1. С. 121–148.
- Быкова Ю. И.* Коронационные регалии императрицы Анны Иоанновны. К вопросу об авторстве и обстоятельствах создания // *Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования*. Вып. 23. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2015. С. 118–141.
- Валишевский К.* Преемники Петра. М.: Книгоиздательство «Современные проблемы», 1912.
- Вебер Ф.-Х.* Преображенная Россия. СПб.: Искусство, 2011.
- Высоцкий Н. Г.* К делу о царевиче Алексее Петровиче // *Русский Архив*. 1912. № 6. С. 295–300.
- Голобоков Ю.* Под сводами старинного собора // *Нева*. 1986. № 9. С. 187–189.
- Дворцовые разряды. Т. IV. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1855.
- Екатерина. Путь к власти. М.: Фонд Сергея Дубова, 2003.
- Екатерина II*. Сочинения. М.: Современник, 1990.
- Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1872.

- Кашин Н. И. Поступки и забавы императора Петра Великого (запись современника). СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1895.
- Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны С. А. Салтыкову. 1732–1742 гг. // ЧОИДР. 1878. Кн. 1. С. 1–236.
- Княгиня Ангальт–Сербская, мать Екатерины Великой. Ее письма о России // Русский Архив. 1904. № 8. С. 457–491.
- Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Выпуск 1. Казань: тип. Императорского университета, 1880.
- Корсакова В. Дипломатические депеши датского посланника при Русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // Русская Старина. 1909. № 1. С. 194–211; № 2. С. 279–298; № 3. С. 537–554.
- Курукин И. В. Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2014.
- Летопись Кунсткамеры. 1714–1836. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Лётин В. А. Петровский текст усадебных проектов середины XVIII века: Аннинский Петергоф // Вопросы культурологии. 2011. № 6. С. 42–46.
- Маништейн К. Г. Записки о России. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
- Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 3. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1886.
- Мезин С. А. Россия и Петербург 1734 года в записках д'Агей де Миона // Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: сборник статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятовых. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. С. 334–362. (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 5 (21).
- Миллер Г. Ф. Избранные труды. М.: Янус-К; Московские учебники и картолитогрфия, 2006.
- Наумов В. П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 51–72.
- Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.
- Новые подлинные черты из частной жизни императрицы Анны Иоанновны // Русский архив. 1873. № 9. С. 1641–1672.
- Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. X (1730 г.). СПб.: Синодальная тип., 1901.
- Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XI. СПб.: Синодальная тип., 1903.
- Петр I в русской литературе XVIII века. СПб.: Наука, 2006.
- Петров П. История Санкт-Петербурга с основания города. СПб.: тип. Глазунова, 1884.
- Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: РОСПЭН, 2014.
- Письма русских государей. Ч. 2. М.: тип. Сергея Орлова, 1861.
- Полное собрание законов Российской империи. Т. 8. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- Полное собрание законов Российской империи. Т. 9. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- Погосян Е. А. Петр I — архитектор российской истории. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.
- Путешествие через Московию Корнилия де Бруина М.: Университетская тип., 1873.
- Пуффендорф С. Введение в историю европейскую. СПб.: Б/и, 1718.
- Пчелов Е. В. Царевна Елизавета Петровна и полтавский триумф // Полтавская битва и ее международное значение: тезисы докл. юбилейной междунар. науч. конф. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. С. 90–91.
- Сб. РИО 1868 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 3. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1868.
- Сб. РИО 1870 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 5. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1870.
- Сб. РИО 1871 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 6. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1871.
- Сб. РИО 1888 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 64. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1888.
- Сб. РИО 1889 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 66. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1889.

- Сб. РИО 1892а — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1892.
- Сб. РИО 1892б — Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 81. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1892.
- Сб. РИО 1893 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 85. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1893.
- Сб. РИО 1894 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 92. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1894.
- Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европейский Дом, 2009.
- Стефанс Дж. Л. Записки из путешествия по России и Польше. М.: Кучково поле, 2018.
- Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М.: Кучково поле, 2008.
- Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб.: тип. II Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1859.
- Флоринский К. Слово в высокотожественный день рождения великия государыни Елизавет Первья. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1742.
- Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 г. // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 73–94.
- Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб.: тип. Академии наук, 1868.
- Щебальский К. Дело о курляндском герцоге Бироне // ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Смес. С. 28–149.
- Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.

REFERENCES

- Ageeva O. G. Mif o monarkhe-preemnike Petra Velikogo pri Ekaterine II [The Myth of Peter the Great's Predecessor Monarch under Catherine II]. *Petro primo Catharina secunda. Dva monarkha, dve epokhi — preemstvennost', razvitie, reformy. Materialy VIII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa* [Petro primo Catharina secunda. Two Monarchs, two Epochs — Preeminence, Development, Reforms. Materials of 8th International Peter Congress]. St. Petersburg, 10–11 iunija 2016 goda. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2017, pp. 106–115. (In Russian)
- Anisimov E. V. *Rossia bez Petra* [Russia without Peter]. St. Petersburg: Lenizdat, 1994. (In Russian)
- Anisimov E. V. *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2002. (In Russian)
- Baiburova R. M. Desiatiletie Anny Ioannovny v kul'turnoi zhizni Rossii [The Decade of Anna Ioannovna in the Cultural Life of Russia without Peter]. *Man*, 1993, no. 6, pp. 132–144. (In Russian)
- Bolotina N. Yu. Epistoliarное nasledie zhenshchin tsarskoi sem'i (pervaia tret' XVIII veka) [Epistolary Heritage of Women of the Royal Family (First third of the 18th Century)]. *Rossiiskii Arkhiv. Istoriiia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX veka* [Russian Archive. History of the Fatherland in Evidence and Documents of the 18–20th Ages], vol. 20. Moscow: Rossiiskii fond kul'tury, 2011, pp. 11–69. (In Russian)
- Boltunova E. M. Petr Velikii v topografii grada Petrova: ideia preemstvennosti vlasti v simvolike imperatorskikh mest Sankt-Peterburga XVIII veka [Peter the Great in the Topography of Petrov: the Idea of the Preeminence of the Fatherland in the Symbolic of the Imperial Cities of St. Petersburg in the 18th Century]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Work of State Hermitage], vol. 32. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2006, pp. 52–60. (In Russian)
- Boltunova E. M. «Chitat' ... glavneishie sluchai prezhnikh vremen»: istoriia i ideia preemstvennosti v vospitanii naslednikov prestola v Rossii XVIII veka (po materialam RGADA) [“Read... the most Important Cases of Former Times”: History and the Idea of Continuity in the Education of Heirs to the Throne in Russia in the 18th Century (On the Materials of Russian State Archive of Ancient Documents)]. *Gisatorii rossiiskie, ili Opyty i razyskaniia k iubileiu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo* [Histories of Russia, or Experiments and Investigations for the Jubilee of Alexander Borisovich Kamensky]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2014, pp. 67–82. (In Russian)
- Bykova Yu. I. Koronatsionnye regalii imperatritsy Anny Ioannovny. K voprosu ob avtorstve i obstoiatel'stvakh sozdaniia [The Coronation Regalia of the Empress Anna Ioannovna. On the Question of Authorship and the Circumstances of Creation]. *Muzei Moskovskogo Kremliia. Materialy i issledovaniia* [Moscow Kremlin Museums. Materials and Research], vol. 23. Moscow: Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik «Moskovskii Kreml'», 2015, pp. 118–141. (In Russian)

- Golobokov Yu. *Pod svodami starinnogo sobora* [Under the Vaults of an Ancient Cathedral]. *Neva*, 1986, no. 9, pp. 187–189. (In Russian)
- Kurukin I. V. *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2014. (In Russian)
- Liotin V. A. Petrovskii tekst usadebnykh proektov serediny XVIII veka: Anninskii Peterhof [Peter the Great's Text of Estate Projects of the mid-18th Century: Annin Peterhof]. *Voprosy kul'turologii*, 2011, no. 6, pp. 42–46. (In Russian)
- Naumov V. P. Elizaveta Petrovna [Elizaveta Petrovna]. *Historical Issues*, 1993, no. 5, pp. 1–72. (In Russian)
- Pchelov E. V. Tsarevna Elizaveta Petrovna i poltavskii triumf [Tsarevna Elizabeth and the Poltava Triumph]. *Poltavskaia bitva i ee mezhdunarodnoe znachenie. Tezisy dokladov iubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Battle of Poltava and its International Significance. Theses of Reports of the Jubilee International Scientific Conference]. Moscow: Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik «Moskovskii Kreml'», 2009, pp. 90–91. (In Russian)
- Petrukhintsev N. N. *Vnutrenniaia politika Anny Ioannovny (1730–1740)* [Domestic Policy of Anna Ioannovna (1730–1740)]. Moscow: ROSSPEN, 2014. (In Russian)
- Pogosian E. A. *Petr I — arkhitektorskaia istoriia Rossii* [Peter the Great is the Architect of Russian History]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB, 2001. (In Russian)
- Sverdlov M. B. *Vasilii Nikitich Tatishchev — avtor i redaktor «Istorii Rossiiskoi»* [Vasily Nikitich Tatishchev is the Author and Editor of History of Russia]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2009. (In Russian)
- Tikhonov Yu. A. *Mir veshchei v moskovskikh i peterburgskikh domakh sanovnogo dvorianstva (po novym istochnikam pervoi poloviny XVIII veka)* [The World of Things in the Houses of the Nobility in Moscow and St. Petersburg (According to New Sources from the first Half of the 18th Century)]. Moscow: Kuchkovo pole, 2008. (In Russian)

Submitted: 03.12.2021

Accepted: 20.02.2022

Published: 10.04.2022